

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. Г. БАГДАСАРЬЯН профессор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна», доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ
- В. Н. БАДМАЕВ заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук
- В. В. ВАСИЛЕНКО профессор Ставропольского государственного педагогического института, доктор исторических наук
- М. Н. ВЕТЧИНОВА профессор Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- Ю. К. ВОЛКОВ профессор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ю. Л. ВОРОТНИКОВ заведующий отделом грамматики и лексикологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
- В. С. ГЛАГОЛЕВ профессор МГИМО (Университета) МИД России, доктор философских наук
- Г. В. ДРАЧ научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Н. В. ДЫМЧЕНКО проректор Тираспольского межрегионального университета, заведующий кафедрой общегуманитарных и правовых дисциплин, доктор философии, кандидат культурологии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- И. В. КОНДАКОВ профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор философских наук, кандидат филологических наук, почетный работник общего образования РФ
- В. А. КОНЕВ профессор Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- В. В. КРАВЧЕНКО профессор Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- И. В. ЛЕОНОВ доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор культурологии
- Л. В. МАТВЕЕВА профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
- Л. М. МОСОЛОВА заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. П. САДОХИН профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Т. Б. СИДНЕВА проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- В. Е. ТРИОДИН профессор СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, почетный профессор СПбГУП

М. Н. ФОМИНА	профессор Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук
Е. В. ХАРИТОНОВА	старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Я. Г. ШЕМЯКИН	главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук
О. Д. ШЕМЯКИНА	научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, дорогие друзья. Сегодня, я уверен, здесь состоится чрезвычайно интересный разговор по актуальным проблемам развития культурологии. Тема нынешней дискуссии вписывается в общую тему «Контур будущего в контексте мирового культурного развития». Контур будущего — это контур культуры, поскольку сегодня многие глобальные вопросы решаются в рамках наиболее широкого понимания культуры, которое изначально лежало в основе культурологии, — как всего того, что создано разумом и руками человека, накоплено в человеческой истории. Далее мы можем применять разные подходы уже внутри культурологии: это и ценностный подход, и семиотический подход, и др. И самый современный — подход В. С. Степина: культура как набор программ, по смыслу близкий к генетическим программам развития человечества.

При наиболее широком подходе к культурологии и теории культуры мы предполагаем, что в культуру входит абсолютно все, что создано руками и разумом человека: это и экономика, и юриспруденция, и политология. Мы полагаем, что на сегодня место культурологии в системе наук — между философией, обосновывающей наиболее общие положения, принципы, подходы к человеческой деятельности, и системой частных наук, таких как антропология, филология и др. Это наиболее универсальный подход, которым мы руководствуемся на Лихачевских чтениях. Я еще раз благодарю всех участников, наших замечательных, выдающихся ученых, которые взяли на себя миссию руководства культурным направлением нашей работы. Успехов!

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Александр Сергеевич, большое спасибо за добрые напутствия. Мы начинаем нашу работу. Первый выступающий — профессор Николай Андреевич Хренов.

Н. А. ХРЕНОВ: — Хотелось бы в продолжение вчерашних выступлений сказать несколько слов о замечательном ученом Моисее Самойловиче Кагане. На многих, кто представляет гуманитарную сферу, Моисей Самойлович оказал колоссальное влияние,

в том числе и просто своими человеческими качествами. Его научное наследие огромно, оно сейчас переиздается еще раз, и будущие исследователи становления культурологической мысли в России, конечно, уделят ему достойное внимание. Я коснусь только одного проекта, который он пытался реализовать вместе с созданным им коллективом ученых. Это проект изучения теории истории художественной культуры как отдельной дисциплины. В 1980-е годы, когда эта идея разрабатывалась Моисеем Самойловичем, интерес к ней в ученых кругах был весьма значительным. Удивительно, что сегодня этим практически никто не занимается. На первый взгляд может показаться, что этот проект лежит где-то на периферии культурологии, но на самом деле он является связующим звеном между теорией истории искусства и теорией истории культуры. Без науки о культуре этот проект появиться не мог — это следствие развития общей культурологии. Но без знаний, касающихся теории и истории искусства, он также был бы невозможен. Он создает точки соприкосновения между разными гуманитарными науками, и прежде всего — между культурологией и искусствоведением. Обычно рассматривается влияние культурологии на искусствознание, но нужно рассматривать и обратное воздействие, поскольку искусствознание, как гуманитарная наука, также влияет на культурологию. Необходимо изучать все то, что разрабатывалось в этом плане в России. Здесь можно назвать труды Аверинцева, Лотмана, многих других и, конечно же, Кагана.

Для реализации такого проекта, конечно, нужно обладать знаниями в разных областях, и такими знаниями владел Моисей Самойлович. Он пришел в культурологию, имея за плечами солидные труды по эстетике, в том числе марксистско-ленинской эстетике. С другой стороны, Каган — профессиональный философ. Он пришел из философии в эстетику как раз в тот период, когда последняя возрождалась в Советском Союзе. Марксистско-ленинская философия исключала рассмотрение многих вопросов, особенно касающихся искусства. В новой дисциплине их обсуждение оказывалось возможным. Этот переход из одной науки в другую оказался плодотворным еще и потому, что, как известно еще

со времен Канта и Шиллера, репрезентативной проблематикой эстетики является игра, а игра философии не чужда. Более того, она не дает философии превратиться в сухую науку, о чем писал еще Адорно. Марксистско-ленинская философия игрой как философской проблемой не занималась, это интересовало лишь психологов, занимающихся проблематикой детства.

Подобным же образом произошел переход Кагана из эстетики в культурологию. Й. Хейзинга, констатируя, что в сочинениях Я. Буркхардта о культуре эстетический аспект оказывается первостепенным, утверждал, что наше представление о культуре связано в первую очередь с достижениями в эстетической сфере, с произведениями искусства и литературы.

Словом, Каган очень многое сделал в разных научных сферах, но проект, о котором идет речь, требовал именно синтеза нескольких направлений, оказавшись, таким образом, междисциплинарным. Каган предложил системную модель художественной культуры, в которой выделил морфологический, институциональный и исторический аспекты. Морфологическому аспекту посвящена его известная работа «Морфология искусства». Институциональный был подробно разработан нашими социологами, особенно социологами искусства. Исторический — пожалуй, самое интересное, что было сделано в этом направлении. Сборники трудов, в которых поучаствовали и петербургские ученые, стали основой будущих фундаментальных исследований по истории мировой художественной культуры. Конечно, проект в целом еще далек от полной реализации, но, надеюсь, будет продолжен.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, слово предоставляется профессору Виктории Валерьевне Василенко.

В. В. ВАСИЛЕНКО: — Позвольте поблагодарить вас за возможность выступить для столь широкой авторитетной аудитории. Мой доклад называется «Общение как оптимальная форма культурного взаимодействия». Весьма примечательно, что наши Чтения посвящаются памяти Моисея Самойловича Кагана, создавшего в том числе фундаментальный труд «Философия культуры», изданный в 1996 году. Это был период, когда культурология как интегральная область знания находилась на начальном этапе своей институционализации. А сегодня мы благодаря серьезным работкам ведущих отечественных культурологов, в частности Светлане Николаевне Иконниковой, понимаем культурологию как широкую межотраслевую область знания, включающую в себя теоретическое, историческое и прикладное направления.

В связи с этим хотелось бы упомянуть, что, с точки зрения М. С. Кагана, культурология — это не просто учение о целостном феномене культуры, она предполагает интеграцию частных дисциплин. Каган предложил рассматривать несколько уровней познания культуры: философию культуры, культурологию, частные культуроведческие дисциплины. Многие коллеги ориентировались в своих исследованиях именно на такой подход. Благодаря этой точке зрения мы можем увидеть общее

в концептуальных подходах Моисея Самойловича Кагана и Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Как мне представляется, одной из самых любопытных теорий в этих обширных концепциях является проблема общения в ее широком понимании. На первый взгляд может показаться, что эта проблема уже полностью исследована и исчерпала себя. Тем не менее сегодня, когда утрачивается родовая специфика человека и общение в большей степени становится коммуникацией, есть смысл вновь к ней обратиться. Мы живем в новой реальности, огромные массы людей втянуты в совершенно новые, не известные ранее формы коммуникаций. Социальные сети выполняют ключевую роль в механизме трансляции. И чем громче звучат сегодня призывы найти пути устойчивого развития общества и повышения качества культуры, иными словами, сохранить родовую специфику человека, тем важнее становится проблема общения между людьми. «Общаясь, люди создают друг друга», — утверждал Дмитрий Сергеевич Лихачев. «Человек не только творец, но и творение культуры», — говорил об этом Моисей Самойлович Каган. Я думаю, что сегодня, рассматривая проблему общения, мы должны работать именно с этими посылами.

Хотелось бы также обратить ваше внимание на проведенный М. С. Каганом сравнительный анализ общения и коммуникации. По его мнению, целью общения является не только взаимодействие, но и формирование общности людей. Общение развивается по мере возрастания передаваемой информации, обогащающей духовный мир человека. Общение складывается только там и тогда, где и когда есть интернациональное многообразие и интернациональное взаимодействие. И, конечно, общение строится на учете индивидуальностей и особенностей партнеров, которые вступают во взаимодействие. Моисей Самойлович отмечал, что взаимодействие на основе общения будет тем эффективнее, чем выше степень согласия. Таким образом, в системной методологии Моисея Самойловича обнаруживается теория оптимального культурного взаимодействия через общение. Общение выступает формой существования и развития культуры, проявления духовной активности социальной группы и общества людей.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Александровичу Коневу.

В. А. КОНЕВ: — Уважаемые коллеги, о культуре говорить непросто, потому что культура — это фактически все, что нас окружает. Об изменениях в культуре тоже трудно говорить, потому что есть множество аспектов этих изменений. Мы живем в мире, который кардинально меняется. Это связано с тем, что в культуре происходят перемены. Например, академик Лекторский говорил о том, что усиливается неопределенность, и это заставляет человека по-другому действовать. Профессор Марков отмечал, что современная действительность предоставляет множество моделей действия, и человеку приходится только выбирать, а не изобретать эти модели. Думается, что каждому стоит для себя определить, что же меняется в культуре.

Многолетний педагогический опыт приучил меня доносить до своих слушателей представление, например о философии, через фразу, которая в этой философии значима. Скажи: “*Cogito ergo sum*” — и всякий узнает афоризм Декарта. Что было значимо для той культуры, через которую я проходил в свое время? Как можно выразить одним словом требования той культуры к человеку? Мне на память приходят слова Спинозы: «Не смеяться, не плакать, а понимать». Будешь понимать, осознавать — будешь счастлив и свободен, поскольку свобода — осознанная необходимость. И все это знание дано тебе в книгах. «Всему, что есть во мне, я обязан книгам», — сказал Максим Горький. «Мы жили в галактике Гутенберга», — так выразился Маклюэн. А сейчас вместо книги, которая стоит на полке, появилась другая книга — «Фейсбук». Это ведь тоже книга — «книга лиц», книга присутствия. Галактика Гутенберга сменилась галактикой Цукерберга. Совсем другие требования к человеку предъявляет современная информационная культура. Вспомните, какой вопрос сейчас задают человеку по сто раз на дню? Звонит телефон, и тебя спрашивают: «Ты где?» А ведь это не простой вопрос — в теории диалога его называют «вопросом Бога». Вспомните: после грехопадения Адам услышал шаги Бога и спрятался. И Бог спросил: «Ты где, Адам?» О чем этот вопрос? Не о том, где Адам спрятался. Ведь Бог всеведущ. Он спрашивает: «Где ты теперь, Адам? После того, что свершилось с тобой, что ты отныне значишь, на что ты способен, за что ты будешь отвечать?» Когда я отвечаю собеседнику на этот вопрос, я беру на себя некую ответственность.

В современной культуре ответственность лежит на человеке, а не на книге. Современная культура — это не та культура, которая содержится в знаниях, в текстах. Это культура присутствия человека здесь и сейчас. На философском уровне это очень точно сформулировал Михаил Михайлович Бахтин: «Мое неалиби в бытии». Иначе говоря, человек уже не может сказать, что его нет в этом мире, — он есть, и за все, что вокруг него происходит, он ответствен. Человек берет на себя ответственность любыми своими действиями, точнее, тем, насколько далеко он способен зайти в своих действиях. Был один очень показательный момент в истории современного искусства. Еще в 1976 году Марина Абрамович поставила свой знаменитый перформанс «Ритм 0». Она стояла у стола, на котором были разложены разные предметы. По замыслу художницы, любым из этих предметов каждый мог сделать с ней все что угодно, — а между тем среди них были ножницы, нож и даже заряженный пистолет. Тем самым человеку как бы ставился вопрос: на что он решится, до какого предела дойдет? Современный человек испытывает себя в свободе. Свобода для него — это не осознание необходимости, а опыт того предела, до которого он способен пойти. Современный человек — это человек трансцензуса, перехода, отодвигания границы, а не человек трансценденции, который ищет истину, существующую где-то вне его.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово имеет профессор Игорь Вадимович Кондаков.

И. В. КОНДАКОВ: — Я хочу продолжить интересные размышления Владимира Александровича о возможности выхода за пределы. Свое нынешнее выступление я назвал «Культурные контуры будущего». Почти во всех докладах нашей секции присутствует слово «диалог», но я бы хотел сделать акцент на другое слово — «граница». Надо сказать, что и Дмитрий Сергеевич Лихачев, с которым мне доводилось общаться, и Моисей Самойлович Каган уделяли понятию «граница» большое внимание. В современной культуре границы, конечно, сильно поменялись и к тому же размылись. Это связывают с тем, что в нынешнем культурном мире виртуальная реальность преобладает над материальной. А в виртуальной реальности все границы изначально по определению размыты. Это в равной степени относится к границам между капитализмом и социализмом, развивающимся в духе конвергенции, между массовой и индивидуальной культурой, между достоверной информацией и так называемыми *fake news*, искажающими реальность, между глобализацией и национализацией, непрерывностью и дискретностью развития, между рациональным и иррациональным началом, и т. д. Все эти границы размываются буквально у нас на глазах. Это в значительной степени меняет и условия потенциального диалога, и те факторы, которые могут этому диалогу помешать. Многие мои коллеги говорили о том, какие факторы влияют на культурное развитие: военные, экономические. Я думаю, что за всеми экономическими, социально-политическими, даже антропологическими различиями стоят этнокультурные и ментальные особенности. А они, в свою очередь, обусловлены, с одной стороны, историко-генетической дифференциацией культур, во многом апеллирующей к различным слоям генома человека, а с другой — связаны со своеобразием культурных обстоятельств, которые определяли формирование тех или иных ментальностей.

Наблюдения за развитием современной культуры показывают, что в ней наряду с интегративными тенденциями нарастают дифференцирующие, причем именно последние превалируют. Это говорит о том, что для современного культурного мира характерен рост многообразия, углубление противоречий, повышение общего уровня сложности. С этой точки зрения практически все готовые рецепты, шаблоны, выработанные предшествующим развитием культуры, сегодня не работают. Мы каждый раз попадаем в новую культурную ситуацию, в которой должны находить новые творческие решения в отношении каждого нового культурного явления. В этом смысле та системная методология, основы которой заложил М. С. Каган и которая до сих пор для нас важна, во многом требует от нас пересмотра за счет учета факторов изменчивости различных культурных явлений, их внутренней социокультурной динамики, во многом оказывающейся непредсказуемой. И все это свидетельствует о том, что в мире современной культуры нарастает напряженность.

С другой стороны, эта напряженность может носить не только деструктивный, но и конструктивный характер. В связи с этим наша задача как культурологов — во-первых, отличать конструктивные тенденции,

способствующие развитию и повышению уровня и информативности культурных явлений, от деструктивных, которые необходимо останавливать или ограничивать, но только культурными методами. Надо сказать, что устойчивое культурное развитие — это та мечта, тот идеал, к которому нужно стремиться, но который в настоящее время фактически недостижим. Мы должны отдавать себе в этом отчет.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, я хотел бы предоставить слово профессору Владимиру Евгеньевичу Триодину.

В. Е. ТРИОДИН: — Уважаемые коллеги, сложилось классическое понимание культуры как надбиологической природы человека (определение Семина), или «неприродной природы» человека (определение Гусейнова), или, в широком смысле, всей совокупной деятельности человека, о чем говорил сегодня во вступительном слове Александр Сергеевич Запесоцкий. Но если это так, то нужно еще раз вернуться к пониманию и осмыслению сущности человека. Одна из главных ее характеристик — это амбивалентность, то есть двойственность, противоречивость человека. Дело в том, что человек может одновременно быть и святым, и грешником, и мыслящим волком, и апостолом мысли. Он может быть, как выразился грубо, но точно Маяковский, «и лицом, и ягодицами». Человек не только строит, не только созидает, но и разрушает. Кроме того, если культура — продукт деятельности человека, то его амбивалентность неизбежно проецируется и на культуру. С учетом этого трактовка культуры оказывается слишком широкой — она включает в себя работу и над атомной электростанцией, и над атомным оружием. Физик Роберт Опенгеймер очень точно сказал после взрыва атомной бомбы: «Мы сделали работу за дьявола».

Сегодня я вижу продолжение дьявольской работы в самых разных аспектах: в подмене культуры мира культурой войны, в мощном молодежном движении, которое называется «Арестантское уголовное единство», в «синих китах», которые зомбируют человека и доводят его до самоубийства, в российских подростках, которые устраивают резню и стрельбу в школах, и во многом другом. Особый разговор о телевидении, потому что драки в прямом эфире, проверка ДНК для установления отцовства как главная народная забава, повальная стриптизация стали «знаком качества» многих популярных ток-шоу. Емельян Пугачев перед казнью сказал: «Богу было угодно наказать *Россию* через *мое окаянство*». Сегодня у меня складывается впечатление, что Россия страдает за «окаянство» многих средств массовой информации.

Хочу остановиться еще на одном очень важном аспекте: на стремлении представить сегодняшнюю культуру как услугу. Я оцениваю категорию «услуга» как рыночную, порождающую особый тип человека-потребителя, а также «сервисного человека», который создает особую культурную политику клиента. Услуга изменяет специфику учреждения культуры, превращая его в торгово-развлекательный комплекс с соответствующими «ценностями». И эти торгово-развлекательные

ценности формируют не людей, а «шопоманов». В понятии «шопинг», что характерно, главное — даже не магазин. Это, условно говоря, голова, повернутая в сторону магазина.

Не так давно, 13 января, президент встречался с руководителями средств массовой информации. Главный редактор журнала «Огонек» Сергей Агафонов обратился к нему с просьбой разрешить рекламу водки, потому что «водка — это тоже культура». Президент ответил, что водка — это не культура. Ранее он говорил, что мы все чаще сталкиваемся с культурной нищетой, с «фастфудом от культуры». Если предположить, что культура — это вообще вся деятельность человека, тогда, конечно, и водка, и услуги, и все прочее — это культура. Но мне кажется, президент говорил о совсем другой культуре — о той, которая возвращает человека, делает его совершеннее, лучше. Вот по этой культуре звонит колокол, и именно эта культура ждет сегодня своего точного определения. Достоевский говорил: «Широк человек... я бы сузил», — и точно так же, на мой взгляд, слишком широко современное толкование культуры. Его тоже надо сузить. Надо выработать хотя бы рабочее определение культуры — предположим, как неприродной природы человека, направленной на его возвышение и развитие, и отделить эту культуру от всего того, что иногда называют анти- или псевдокультурой. Центральное понятие культуры — свобода, и вокруг него не утихают споры ученых и деятелей литературы и искусства. У всякой свободы есть пределы. Например, есть пределы научных исследований — в частности, запрещено клонирование людей. Художнику Петру Павленскому предоставили свободу творчества — и он под видом перформансов стал поджигать двери французского банка, привязывать себя обнаженным к забору. Те же «Pussy Riot» восприняли свободу как возможность публичного секса в музее и т. д. Абсолютная свобода — это вседозволенность. Носитель такой свободы опасен для общества, у него надо отнимать спички.

И последний вопрос: а что же делать? На него давались разные ответы. Толстой говорил о непротivлении злу насилеи. Ильин, напротив, говорил о протivлении злу силою. Но в нынешних обстоятельствах ни то ни другое не принесет нужного результата. Поэтому определяющей чертой эпохи является умение договариваться друг с другом. Я хотел бы, чтобы по завершении работы нашей секции мы выработали новый духовный закон, главный принцип которого звучал бы так: «Спротивление злу договороспособностью».

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Владимир Евгеньевич, большое спасибо за интересное выступление. Слово имеет профессор Геннадий Владимирович Драч.

Г. В. ДРАЧ: — Уважаемые коллеги, прежде всего не могу не поделиться личными воспоминаниями о встречах с Моисеем Самойловичем Каганом. Уникальность личности всегда проявляется в ее многогранности. Каждая встреча с Каганом была глубока и интересна — в ней раскрывались те или иные аспекты его многочисленных научных исследований. В част-

ности, во многих наших беседах речь шла об отношении к прогрессу, к культурному развитию. Моисей Самойлович был убежден в том, что культурное развитие остановить невозможно — человеческий разум все равно будет развиваться и преодолевать все те сложности, которые встают на пути человечества.

Обращаясь к недавнему выступлению Владимира Александровича, хочу отметить, что у нас в свое время действительно была целая плеяда людей, которые твердо стояли на тех же позициях. Они представляли интеллектуальную элиту страны, за ними была мощная система образования, была выигранная война, в которой многие из них участвовали. На них держалась наука и, не побоюсь сказать, государство в целом. Среди них, в соответствии с мыслью Спинозы, царил культ знания, уважения к науке, уважения к ученому, высшему образованию. У каждого из них была библиотека, для которой потребовалось бы отдельное исследование. Это был удивительный, неповторимый мир книги. Я вошел в этот мир и остался в нем навсегда. Это и французская, и английская, и немецкая литература, это уровень, который позволял нам формироваться, помогал поддерживать высокие образовательные критерии. Этот мир был реален. А нашу нынешнюю эпоху позднего капитализма многие исследователи, в частности Ф. Джеймисон, характеризуют как сплошную имитацию, «вымывание подлинности».

Возвращаясь к М. С. Кагану, хочу отметить, что, будучи абсолютным сторонником идеологии Просвещения, он в то же время отдавал себе отчет в происходящих вокруг объективных процессах, в тех явлениях, о которых я говорил выше. Он обращался к синергетике как к возможности увидеть контуры нового мира во внезапно обрушивающихся на нас событиях.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Профессор Надежда Гегамовна Багдасарьян, пожалуйста, Вам слово.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — В ответ на предыдущие выступления моих коллег я бы хотела остановиться на трех моментах. Владислав Александрович, вы поставили очень интересный вопрос не просто о соотношении определенностей и неопределенностей, но и о тех вызовах, которыми они сопровождаются. Второй момент, на который я обратила внимание, — то, что говорил академик Наумкин о нынешних культурных мегатрендах: культура не склеивает народы, а, наоборот, разъединяет, что влечет за собой распад коллективности. Игорь Вадимович также говорил о том, что сейчас преобладают тенденции дифференциации, а не интеграции. Мне представляется, что все несколько сложнее. И то и другое явление имеют место. Вопрос в том, в каких формах они проявляются, как соотносятся друг с другом, как влияют на них культура и культурные коды.

Третий момент, на котором хотелось бы заострить внимание, это проблема, о которой говорил в своем выступлении академик Некипелов, — очень слабые институты. Есть книга авторства Робинсона и Аджемоглу, которая называется «Почему одни страны богатые, а другие бедные». Эта книга вышла пару лет назад и стала бестселлером. Авторы — сторонники институциональ-

ного подхода и поэтому критикуют культурных детерминистов, полагая, что дело не столько в культуре, сколько в наличии развитых институтов. Если они работают эффективно, страна богатеет, если неэффективно — беднеет. Вот такой простой ответ на сложный вопрос. Я не отношу себя к культурным детерминистам, но мне не очень близок такой подход. У меня возникают другие вопросы: почему социальные институты так отличаются друг от друга, что лежит в основе этой дифференциации? Где, как не в культурных практиках, конструируется культурный универсум, который посредством культурного кода передается от одного поколения к другому? Почему возникают парадоксальные ситуации — например, наша молодежь все больше оправдывает политику сталинизма? Почему коррупционная практика воспринимается как норма? Говорят: «Какой смысл с этим бороться? В России всегда так было». Почему возникают столь гипертрофированные формы неприятия европейских ценностей? Возможно, в ответ на то, что нам навязывают Болонскую систему образования, тогда как Массачусетский университет, например, берет на вооружение дореволюционные методы обучения, существовавшие в России в Московском Императорском техническом училище. Точно так же российских деятелей науки вынуждают использовать зарубежные базы данных Scopus и Web of Science. По сути, происходит реконструирование не столько системы образования или науки, сколько нашего человеческого потенциала.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Кстати, я месяц тому назад был в Болонском университете и спросил, используют ли они сами Болонскую систему. Оказалось, нет. Болонская система в самой Болонье не используется.

С. Н. ИКОННИКОВА, профессор СПбГУП, Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ: — Давно уже.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово имеет профессор Александр Николаевич Чумаков.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Я также хочу сказать перед своим основным выступлением пару слов о Моисее Самойловиче Кагане. Он сделал поистине очень многое для российской философии. Возможно, кто-то из присутствующих этого не знает, но Моисей Самойлович, в частности, поддержал идею первого Российского философского конгресса, который состоялся в 1998 году здесь, в Петербурге.

А теперь мне хотелось бы сформулировать и обосновать один тезис. Мы много говорили о культуре, но я ни разу не услышал в выступлениях коллег слова «цивилизация». А ведь эти два понятия неразрывно связаны и так тесно переплетены, что их приходится распутывать, иногда очень долго и кропотливо. В частности, мне пришлось это делать, когда я занимался проблемами глобализации. Результатом стала книга «Метафизика глобализации: культурно-цивилизационные контексты». В 2017 году вышло ее второе издание, уже в составе трилогии, посвященной глобализа-

ции. Погружаясь в процессы, связанные с обществом, то есть имеющие глобальный масштаб, мы неизбежно сталкиваемся с проблематикой культуры.

Сделаю небольшое отступление. Когда-то давно возникло такое понятие, как «восход солнца». С помощью этого понятия объяснялось, почему солнце утром на востоке, а вечером на западе. В быту это играло большую роль. Но при этом с бытовой точки зрения не имело значения — Солнце вращается вокруг Земли, или наоборот. Однако человечество взрослело, и в какой-то момент оказалось способным создать ракету для полета на Луну. И вот тогда оказалось принципиально важным, что именно Земля вращается вокруг Солнца, а Луна — вокруг Земли.

Возвращаясь к культуре, можно провести аналогию: понятие культуры значимо, когда мы обсуждаем вопросы того или иного коллектива, города или страны. А вот когда мы переходим на уровень всего человечества и говорим о мировом сообществе как целостной системе, понятие «культура» уже не работает так, как в вышеперечисленных случаях. Оно оказывается перегруженным смыслами, как происходило в Новое время и в эпоху Просвещения. Французские просветители говорили: за океаном живут люди, которые едят друг друга, — это дикари. А есть еще другие, которые ценят только свое, а чужое разрушают, — это варвары. Но мы другие, мы поднялись на более высокий уровень развития и знаем: свобода моего кулака заканчивается там, где начинается нос соседа. Мы говорим вслед за Вольтером: «Я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать».

И когда эти просветители-миссионеры приплывают за океан и видят, как дикарь съел своих сородичей, они укоряют его со своего уровня: «Нельзя есть людей, это нехорошо». Они считают, что нужно провести с ним беседу о взаимопонимании, об уважении чужих прав и т. д. Он смотрит на них, слушает и кивает. Но им не стоит расслабляться — у него есть дубинка, и он может опять проголодаться.

А теперь давайте посмотрим на современное человечество. На каком уровне оно пребывает? Да в той же дикости и варварстве, даже если не вспоминать ИГИЛ или талибов, разрушивших в 2001 году статуи Будды. На каком уровне цивилизационного развития мы находимся? В каком смысле употребляется слово “civilis” — в гражданском, правовом, общественном? Это тоже культура, только культура чего? Говоря о культуре, мы разделяем ее на материальную и духовную. Понятие культуры появилось в Древнем Риме для того, чтобы отделить созданное человеком от изначально присущего ему.

В настоящее время в ситуации глобального человечества сложилась целостная система мирового сообщества, когда мы должны холистически мыслить и делать выводы не только от частного к общему, но и от общего к частному. Сегодня понятия «культура» и «цивилизация» (если их понимать, как Данилевский, Шпенглер, Тойнби или Хантингтон, который писал о столкновении цивилизаций) не работают. Сталкиваются не цивилизации, а культуры, противоречия возникают на культурном основании. Язык, как мне представляется, является

стержнем культуры. Уничтожьте язык, традиции, верования — и не будет культуры, эти три составляющие «рассыплются». Как же культуры будут взаимодействовать? С китайцами я общаюсь на русском языке, если они его знают, или на английском. Если мы говорим на английском, то и я, и китаец погружаемся в другую культуру. Мы общаемся на том уровне, который можно назвать фоном общего опыта. Речь идет о том, в какой мере мы цивилизованны. Таким образом, мы должны говорить не только о культурном контексте: культура нас обособляет, а объединяет уровень цивилизационного развития. Если культуру мы впитываем с молоком матери, воспринимаем начиная с детского сада, то к цивилизованности мы приобретаем посредством образования, просвещения (школа, университет и т. п.). То есть это тоже культура, но нужно говорить о культурно-цивилизационных системах: я, мы, Россия — все это культурно-цивилизационные системы. Цивилизационные основания нас объединяют, здесь происходит взаимодействие, а культурные основания разъединяют.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Сергеевичу Глаголеву.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Уважаемые коллеги, я хочу привлечь ваше внимание к социально-психологическим аспектам. Прежде всего должен выразить свое несогласие с некоторыми характеристиками культуры.

Первый вопрос: состояние агрессии имеет какое-либо отношение к культуре? По всей видимости, большинство из вас скажет: «Нет», но в реальном творчестве имеет. В качестве примера приведу отрывок из стихотворения С. Гудзенко: «Но мы уже / не в силах ждать. / И нас ведет через траншеи / очоленевшая вражда, / штыком дырявящая шею. / Бой был короткий. / А потом / глушили водку ледяную, / и выковыривал ножом / из-под ногтей / я кровь чужую». В этом стихотворении, как и в «Воспоминаниях о войне» Николая Никулина, «Моем лейтенанте» Даниила Гранина, «Записках гадкого утенка» Григория Померанца, агрессия переводится в творческий импульс.

Второй вопрос: война является явлением культуры? Возникнет разногласие мнений, но я попробую ограничить рамки проблемы. Как можно охарактеризовать офицерский состав? Во всех армиях мира это мундиры, петлички, марши, красота строя, порядок, эстетика. Но если посмотреть шире, то мы увидим, что Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах» и последних оценках Кавказской войны в «Хаджи-Мурате» был прав: война — это зверство, лишенное культурных оснований. Культурная подготовка, безусловно, необходима. Здесь возникает некоторое противоречие реальной культуры с тем, что описывается в культурологии, а если реальная жизнь не получает отражения, то начинается сотрясение воздуха утонченными формами абстрактного аргументирования.

Предельно информированный в делах Советского Союза Ю. В. Андропов однажды сказал, что мы в полной мере не знаем страны, в которой живем. Я долго размышлял над этим высказыванием, а потом понял: в нем нет ничего удивительного, если обратить-

ся к другому знатоку скрытой деятельности. Г. В. Плеханов (который и в эмиграции внимательно следил за политической, и особенно духовно-политической, жизнью нашей страны) однажды сказал, что Россия — это страна, порождающая фантастических, несовместимых, взаимоисключающих людей.

Россия, по словам Толстого, в 1861 году была «перевернута» реформами Александра II, проведенными вынужденно, в скором порядке, потому что Крымская война показала, что медлить больше нельзя, иначе — катастрофа. Началось реформирование, которое с небольшими перерывами продолжается до настоящего времени. Любая реформа всегда влечет за собой гетерогенные явления и процессы, вызывающие недоумение. Мы до конца не понимаем реальной жизни культуры и, может быть, никогда не поймем, потому что такова наша судьба в силу антропологической ограниченности, которая выступает параметром нашего существования.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется сопредседателю нашей секции члену-корреспонденту РАН Юрию Леонидовичу Воротникову.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Вслед за Владиславом Александровичем Лекторским хочу сказать, что выступления на пленарном заседании должны стать для нас системой координат. Еще две системы координат заданы в теме нашей секции — «Взаимодействие культур и современная культурология». Хотелось бы услышать, как выступающие представляют себе культурологическую проблематику в рамках системы координат, сформулированной в пленарных докладах и с учетом двух заявленных измерений. Как культуры взаимодействуют, как современная культурология реагирует на эти взаимодействия и как она должна реагировать? Прошу выступающих попытаться ответить на поставленные вопросы.

Дмитрию Сергеевичу Лихачеву принадлежит известный афоризм: краткость — вежливость ученого. Будьте вежливы, дорогие друзья!

Слово предоставляется профессору Марине Николаевне Фоминой.

М. Н. ФОМИНА: — Я представляю поликультурный, поликонфессиональный и полиэтничный Забайкальский край. Нет ни одного народа, который не проживал бы в нашем крае, ни одной культуры, которая не была бы представлена у нас. Продолжая тенденцию, начатую Александром Николаевичем, я хочу сказать несколько слов о культуре и культурном взаимодействии в условиях глобализации.

Забайкальский край, территориально расположенный на приграничной территории, решает проблему трансграничного взаимодействия с Китаем и проблеме, связанную с идентификацией и мировоззрением. Возникает интересная ситуация трансграничья. Когда мы анализируем китайские исследования и практическую деятельность по развитию культурного наследия и потенциала, то, проецируя ее на российскую практику, мы видим не аналогичную теорию развития и практику, а совершенно другое.

Александр Николаевич считает, что на сегодняшний день проблема культуры — главная. Для Китая это не только ключевая проблема, но и руководство к действию. В одном из информационных материалов, посвященных Китайскому форуму культуры, приводится мнение, что китайская государственная политика задает направление развития культуры исходя из того, что китайцы знают свою культуру, следовательно, знают культуру регионов, соседствующих с ними, и мировую культуру. Знать нужно для того, чтобы понимать, а понимать нужно для того, чтобы управлять.

Проблема создания гармоничного общества в Китае связана не только с развитием китайских регионов и китайской культуры, но и с ростом слабого региона за счет сильного. Гармоничное общество, а следовательно, и гармоничная культура — программа не только внутреннего, но и внешнего развития КНР. Именно с такой позиции Китай рассматривает трансграничье с Россией.

Китаю нужно выйти за пределы своей страны и возвестить о себе в мировом пространстве. В мире должны знать о китайских ценностях, которые используются, например, для трансформации западного протестантизма в китайский протестантизм, западного католицизма в китайский католицизм. Если на уровне этих двух ветвей христианства — протестантизма и католицизма — политика определена, то православие трактуется как русское, имеющее распространение у северо-восточных рубежей, непосредственно на границе с Россией. Почему Китай ориентирован на изучение русского православия? Как отмечается в различных документах (начиная с научных исследований и заканчивая государственными актами), чтобы понять православие, нужно знать русскую культуру. А для того, чтобы узнать русскую культуру, необходимо изучать мировоззрение, взгляды, формируемые на основе православия. Данная цепочка реализуется в политике китайского регионализма: я знаю, понимаю, управляю. Эти явления проанализированы.

Также существует проблема идентификации. Вопрос, связанный с идентификацией, достаточно серьезный. Сегодня можно говорить об этнической и культурной идентификации. Идентификация начинается с того, как я себя мыслю и позиционирую. Культурное пространство трансграничного региона можно рассматривать на двух уровнях: мировоззренческом и практическом. На практическом уровне это культурное китайизированное пространство. Мы потребляем и осваиваем китайскую культуру. Следовательно, если материальная культура представляет собой русифицированный образец Китая, то в последующем воздействию подвергнется и мировоззренческий уровень. Благодаря китайским студентам и широкому китайскому контексту в нашем регионе мы начинаем мыслить, как китайцы.

Сегодня в Китае делается основной упор на развитие культуры, причем не материальной, а теоретической, которая формирует сознание, мировоззрение, идеологию. А с чем связано развитие гуманитарного образования в современной России? С сокращением гуманитарного блока. Здесь уместно вспомнить высказывание Платона, что во главе государства должен стоять философ.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — К микрофону приглашается Валерий Николаевич Бадмаев.

В. Н. БАДМАЕВ: — Хочу поделиться с вами мыслями по поводу основной проблемы, которая находится в центре рассмотрения Лихачевских чтений и выступлений коллег.

1. Исследования контуров будущего будут неполными, если мы не обратимся к анализу сложной фундаментальной проблемы — дихотомии «Восток–Запад». Эта проблема имеет давнюю историю, но сейчас в сложном глобализирующемся мире она приобретает новые черты, звучание и характеристики. При этом обращение к Востоку подразумевает еще и процесс самоидентификации евразийской России.

2. В качестве философско-культурологического обоснования этой дихотомии предлагается принцип когнитивной скромности, то есть признание того, что западный тип философствования не является единственным. Данный принцип описан М. Т. Степанянц.

Идея о коллективно-когнитивном бессознательном, разрабатываемая академиком А. В. Смирновым, воплощается в логике культуры и обуславливает систему ценностей и картину мира. Идея о незападной современности предполагает рассмотрение современности в зеркале незападных сообществ, а не наоборот, когда мы рассматриваем незападное общество в зеркале современности.

3. Обращение при анализе будущего, конструировании его контуров не только к рациональным, но и к иррациональным аспектам. Необходимо обратиться к ценностям, опыту, традициям всех культур, конфессий, этносов.

В данном аспекте интерес представляет проведение в Индии встреч российских философов с далай-ламой XIV. Для буддизма не существует отдельно человека и солнца. Есть единое поле опыта — человек, видящий солнце. То есть солнце воспринимается не как нечто внешнее, находящееся над человеком, а как часть личности, включенная в нее через процесс восприятия. То есть не солнце в себе, а солнце, воспринятое человеком.

В рамках наших дискуссий о будущем мы должны понимать не мир, в котором живем, а мир, который мы переживаем, думать не о будущем мире, в котором нам предстоит жить, а о мире, который мы будем переживать.

— Валерий Николаевич, Вы говорите, что в буддистском мире важно переживание. А как можно обозначить отношения между человеком и солнцем в русской православной традиции? (вопрос из зала)

В. Н. БАДМАЕВ: — Я не считаю себя специалистом по православной культуре, но поскольку буддизм является частью российской культуры, буддистская традиция переживания достаточно близка русской религиозной философии (Серебряный век, обращение Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева к идеям буддизма и пр.).

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — Участвовать в Лихачевских чтениях, с одной стороны, почетно, с другой — волнительно и сложно. Как бы я ни готовилась к выступлению, после пленарного заседания, на котором выдающиеся мыслители озвучивали свои идеи, всегда путаются мысли, и все, что приготовил до этого, кажется мелким и ненужным.

Мне хотелось бы отметить один факт, на который я обратила внимание. На пленарном заседании, несмотря на то что далеко не во всех выступлениях звучало имя Дмитрия Сергеевича Лихачева, тем не менее его идеи и идеи, которые вчера озвучивались, очень созвучны. Я переживаю, что труды Дмитрия Сергеевича Лихачева не изучаются в школе, сожалею о том, что здесь нет представителей Министерства образования, которые могли бы исправить эту ошибку. В то же время я рада, что в СПбГУП труды Лихачева изучаются — это делает наш мир лучше и добрее.

Вчера Р. И. Нигматулин сказал, что без России мировая цивилизация будет ущербной. В этом же ключе всегда высказывался и Д. С. Лихачев. Он говорил о культурном величии России, о том, что Россия всегда служила мостом, в первую очередь культурным, между народами. Именно культура, по его мнению, вызывает интерес к России. Причину влияния России в мире он видел не только в ее расположении между Востоком и Западом, но и в том, что Запад от Востока отделяет различие культур. Он был убежден в исторической миссии России.

М. В. Шмаков на пленарном заседании сказал, что без культуры не могут развиваться техника и экономика. Дмитрий Сергеевич Лихачев видел обязанность человека в том, чтобы поддерживать культурный климат, который наиболее благоприятен для развития всех форм культуры, а следовательно, техники и экономики.

Вчера прозвучала мысль о том, что, когда обсуждается будущее, речь в первую очередь идет об экономике и политике. Дмитрий Сергеевич, размышляя о будущем, указывал на важность развития и поддержки культуры.

На пленарном заседании была высказана еще одна интересная мысль: мы думаем о будущем посредством своих воспоминаний. Дмитрий Сергеевич настоятельно рекомендовал не забывать свою историю и считал, что культура сильна памятью о прошлом, которое не проходит бесследно, не заменяется настоящим, а продолжается в нем, обновляя формы. Он был убежден в том, что истоки будущего — в прошлом.

П. П. Толочко высказал сожаление, что контуры мирового развития определяются не культурой, а экономическими и политическими интересами. Дмитрий Сергеевич же считал, что культура — это гуманистические ориентиры и критерии развития человека и цивилизации, что вне культуры настоящее и будущее цивилизации, народов, этносов и государств лишено смысла.

Вчера также звучала мысль, что мы перенимаем идеи, которые не приживаются на отечественной почве. Академик Лихачев всегда говорил о диалоге, взаимовлиянии культур и том опыте, который мы перенимаем и отдаем миру. В этом плане, поскольку я яв-

ляюсь представителем сферы образования, доктором педагогических наук, хочу отметить, что опыт Болонского процесса не всегда удачен, о чем сегодня все чаще говорят с высоких трибун.

Никас Сафронов на пленарном заседании напомнил высказывание, что красота спасет мир. Александр Сергеевич Запесоцкий добавил, что она сделает его более милосердным. Именно о милосердии человека всегда говорил Д. С. Лихачев. И если мы будем добрыми и милосердными по отношению друг к другу и к представителям других культур, современная цивилизация все-таки сможет выйти из кризиса, в котором она сегодня оказалась.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Профессор Юрий Константинович Волков, Вам слово.

Ю. К. ВОЛКОВ: — Мне как выпускнику кафедры исторического материализма, возможно, было бы целесообразнее участвовать в работе секции «Марксизм и культура». Однако Маркс, как мне кажется, специально о культуре ничего не писал, все-таки он в большей степени социальный философ.

Представляется, что проблема, которая была затронута профессором Триодиным, является одной из центральных в современной культурологии: это понимание культуры как совокупности всех форм и результатов человеческой жизнедеятельности. В этом плане нужно сравнивать не культуру с цивилизацией, а культуру с социумом, обществом или социальной деятельностью. Эта проблема в плане дефиниций не имеет решения, поскольку возможны сотни определений.

Выход видится только в установлении методологических подходов. Три подхода были обозначены Александром Сергеевичем — лингвистический, семиотический и степинский ценностно-цивилизационный. Это то, что касается общего понимания культуры, но поскольку тема — взаимодействие культур, то речь уже идет о культурной динамике и ее формах. На пленарном заседании были рассмотрены различные ситуативные, конкретные формы культурной динамики, их содержательные аспекты.

Академик Некипелов назвал одну из основных форм социальных взаимодействий — институциональные формы взаимодействия и социальных процессов. Я обратил внимание на его фразу, что если происходит крах институтов, то наступает глобальный всеобщий кризис, имеющий серьезные непредсказуемые последствия. Существуют устойчивые исторические формы социальных и культурных институтов, которые сохраняются при всех трансформациях. В своем докладе я попытался эти формы обозначить (межсистемники их используют при анализе исторического процесса, а Полани определил в своей экономической антропологии): реципрокный обмен, дарообмен, редистрибутивные отношения перераспределения и товарный обмен.

Несмотря на то что существует формальная сторона этой проблемы, имеется и содержательный контекст. Было верно отмечено, что взаимодействие одновременно предполагает наличие противопоставления, границы. Этой границей, в частности, выступает известная пози-

ция идентификации культуры «свой–чужой». Каган называет эту оппозицию «мы–они», но предполагает, что она может измениться на «мы–вы». Эти процессы в современном обществе все более индивидуализируются, хотя индивидуальный контекст своих и чужих отношений возможен только в условиях миграции и урбанистического общества, где человек утрачивает свои корни, отрывается от культурной и социальной общности.

В заключение хочу напомнить, что в романе Ивана Ефремова «На краю Ойкумены» действуют представители разных этносов, рас, которые тем не менее становятся друзьями, потому что отрываются от своей культуры.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Викторовичу Дымченко.

Н. В. ДЫМЧЕНКО: — Сегодня профессор Кондаков говорил о границах культуры, а профессор Триодин — о выборе человека. Я тоже хотел бы высказаться о границах и выборе, но с точки зрения культурных практик.

Я представляю несуществующее государство, которого нет на географической карте, которое не существует де-юре, но есть де-факто, — Приднестровскую Молдавскую Республику, Приднестровье. Наше государство существует уже 30 лет. Не имеет значения, признано оно или нет, — там живут люди со своей культурой, традициями, обычаями. Считается, что Приднестровье создано как ответ на националистическую политику Молдовы, дискриминационный закон о языках. Но это не ответ русских или левобережья. Приднестровье (географически Нижнее Поднестровье) — полиэтничный регион, история которого имеет богатое культурное наследие, о чем писал академик Рыбаков, а также П. П. Толочко, который регулярно приезжает к нам в Тирасполь. Вхождение Приднестровского региона, имеющего полиэтничные и поликультурные особенности, в различные исторические периоды в разные государства (Киевскую Русь, Речь Посполитую, Советский Союз, Республику Молдову) наложило определенный отпечаток и на его культуру.

Если говорить о диалоге культур в Приднестровье, то основные этносы и языки, которые у нас представлены, — это молдавский, русский и украинский (по 30 %), а также болгарский, гагаузский и татарский (10 %). В ПМР проживают 500 тыс. человек 30 национальностей. Кстати, в Приднестровье не употребляется такое понятие, как «диаспора», потому что оно считается унижительным: каждый русский, украинец, болгарин, гагауз, молдаванин считает себя живущим на собственной земле. За почти 30 лет существования ПМР не произошло ни одного внутреннего межнационального, межкультурного конфликта.

Сегодня профессор Глаголев затронул такую проблему, как война и культура. Агрессия 1992 года сплотила людей разных национальностей, проживающих в Приднестровье, позволила преодолеть противоречия между народами, которые живут в Приднестровье. В Конституции ПМР говорится о «многонациональном народе Приднестровья».

Еще одна актуальная проблема — беженцы и культура. Со временем под воздействием политических и экономических факторов менталитет меняется. В 1992 году вследствие военных действий из Приднестровья в Одесскую область в теплушках, как в Великую Отечественную войну, уехали 100 тыс. человек — дети, женщины, старики. Прошло 25 лет, и теперь Одесская область считает Приднестровье плацдармом российской агрессии, гражданам рекомендуют, если они услышат речь человека, говорящего на смешанном русском и ломаном украинском языке, сообщить куда следует, потому что это приднестровец. Это вопрос ментальности: выросло целое поколение, которое не знает, что тираспольцы защищали Одессу, и т. д.

Хотелось бы также сказать о миротворчестве и культуре. Приднестровская миротворческая миссия сегодня считается самой успешной в мировой истории (за 26 лет не было ни одного погибшего, ни одного раненого). Поэтому нет смысла менять ее на миротворческие войска ООН и другие организации. За это время у миротворцев тоже сложилась определенная культура, свои традиции, символика, появились памятники, обряды, церемониалы.

Сегодня вектор устремлений Приднестровья — это Россия: 220 тыс. из 500 тыс. человек Приднестровья — граждане Российской Федерации. На выборах Президента РФ в Приднестровье были открыты 28 избирательных участков. При этом во всем мире около 500 тыс. человек проголосовало на выборах президента за пределами России.

Сегодня многие ученые считают, что в Приднестровье сложилась надэтническая идентичность — единый приднестровский народ, который хочет быть самостоятельным и интегрироваться в российское пространство.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Николай Викторович, Вы затронули интересную тему для культурологов. Пожалуйста, задавайте вопросы.

З. Н. ПОНОМАРЕВА, *доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук:* — Тема Приднестровья касается меня непосредственно, потому что я выросла в Тирасполе и все, что там происходит, для меня важно. Скажите, пожалуйста, в международном плане есть перспективы изменения позиции по Приднестровью или оно все-таки останется обойденным международными средствами информации?

Н. В. ДЫМЧЕНКО: — Мы практически 12 лет находимся в экономической блокаде со стороны Республики Молдова и Украины. Что касается международного признания, то к нам часто приезжают политики и общественные деятели из России, которым это нужно в том числе для карьерного роста. Мы же стараемся сохранять и распространять русскую культуру и историю. Так, на приднестровском рубле изображен А. В. Суворов. В Приднестровье ни один памятник, ни один музей, ни одна школа за 28 лет существования региона не были закрыты. Некоторые молдаване, про-

живающие в Молдове, считают себя румынами, более того, все перешли на латиницу, а молдаване, живущие в Приднестровье, сохранили кириллическую графику.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Николай Викторович, желаем Вам научных успехов, а Приднестровью — мира и процветания. К микрофону приглашается профессор Виктория Владимировна Кравченко.

В. В. КРАВЧЕНКО: — Накануне Лихачевских чтений увидела свет моя книга «Симфония человеческой культуры». Я считаю это добрым знаком. Приятно было услышать вчера на пленарном заседании много идей, которые совпали с моими идеями, изложенными в книге. Это действительно знак времени, очевидно, настала пора менять культурологию и представление о культуре, границах человека и культуры в целом.

Основная идея моей книги заключается в том, что культура имеет несколько уровней, поэтому нельзя сводить это понятие к одному узкому значению и потом выяснять, что в определенном контексте оно не работает. Выделяются космический, мегакосмический, макрокосмический и микрокосмический уровни культуры, потому что каждое определение понятия «культура» — это космос. Космос как отрицание хаоса в древнегреческом и синергетическом, пригожинском смысле — таков посыл моей работы. Поскольку я получила естественно-научное образование, то мне очевидно, что на каждом уровне действуют свои законы: на мегауровне в астрономии — одни, а на планетарном уровне — другие. Точно так же и в культуре.

Культура нашей планеты встроена в мегауровень Солнечной системы. Это положение созвучно некоторым идеям, высказанным на пленарном заседании: сегодня активизируется интерес к космизму, в частности к идеям В. И. Вернадского, который выделил эти уровни в своей книге «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения».

Я попробовала внести свой вклад в развитие современных культурологических представлений за счет понятия «культурное поле». Это не лингвистическое, политическое, геополитическое, а энергетическое поле по аналогии с физическим полем, а энергиями служат культурные эмоции. Кроме культурных, существуют базовые эмоции, потому что человек был и остается живым существом. На этот уровень животного наслаивается человеческий уровень. В этом плане я рассматриваю антропологический подход к культуре именно с точки зрения развития культурного поля.

Если обратиться к теме нашего сегодняшнего заседания — взаимодействию культур, то я его понимаю как энергетическое взаимодействие. Меня заинтересовал доклад Л. М. Мосоловой по поводу общения, в других выступлениях проводилось различие между общением и абстрактной коммуникацией. Коммуницируют неодушевленные предметы: один ударяется о другой — есть результат. А между людьми ведется общение. Для студентов важно сохранение живого общения с преподавателем. Я считаю дистанционное образование трагедией (хотя и сама участвовала в создании некоторых дистанционных курсов) для препода-

давателя, потому что он обращается непонятно к кому, и для слушающего, который видит абстрактную голову на экране телевизора или компьютера. В данном случае есть коммуникация, но нет общения.

В своей книге я обращаюсь к понятию «социальный Маугли». Было снято несколько документальных фильмов о детях, у которых есть папы и мамы, бабушки и дедушки, но они не становятся людьми, потому что с ними не общаются, их не воспитывают, не культивируют, не социализируют. Например, девочка Оксана воспитывалась собакой в будке, которая стояла возле дома, где жила ее пьющая семья. И таких случаев, к сожалению, много. Поэтому я призываю студентов воспитывать своих детей в культурной среде, в общении, любви, социализации и культурном взаимодействии.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется профессору Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Я одна из немногих в этой аудитории — не культуролог, а профессиональный психолог. Как и принято в науке, мы проводим исследования. В частности, наше исследование было посвящено тому, как молодежь воспринимает Россию современную и будущую.

С чем наша молодежь сравнивает образ будущей России? Мы исследовали этот вопрос методом психоматричного шкалирования, ввели 48 биполярных шкал, по которым следовало оценить несколько стран: США, объединенную Европу, современную Россию, будущую Россию, Россию в СМИ, Китай, Японию, Турцию, Казахстан. То есть мы рассматривали страны западной и восточной цивилизаций, арабского мира и ведущие страны на постсоветском пространстве. После обработки сведений факторным анализом мы получили любопытные данные.

Приведу цитату Д. С. Лихачева: «Миссия России определяется ее положением среди других народов, тем, что в ее составе объединилось до 300 народов — больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом прежде всего культурным». То есть Россия — это не только Восток и Запад, но также Юг и Север.

Нам было важно узнать, на что наша молодежь ориентируется при выборе образа будущей России. Выделяются семь различных категорий. Первая — это богатство, трудолюбие и благополучие. Вторая и третья категории любопытны с точки зрения цивилизационной коннотации — это «свой–чужой» (здесь закладывается нравственно-этическая категория духовности и т. д.). Третья и четвертая категории связаны с цивилизационным фактором, типом цивилизации. Московские студенты (МГУ) считают, что восточная цивилизация — самобытная, нравственная, целомудренная, а западная — безнравственная и развратная. Для молодежи Новосибирска восточная цивилизация — целомудренная, нравственная, общинная, духовная, справедливая, ответственная, а западная — безнравственная, индивидуальная, материальная, предвзятая и безответственная (бо-

лее богатые коннотации, чем у московских студентов). Они духовную антропологическую сущность культуры, культурного кода вкладывают в понятие «цивилизация».

Самым любопытным оказалось другое: образ современной России не соотносится с другой страной, а образ будущей России и в Москве, и в Новосибирске, и в Ханты-Мансийске, и в Перми коррелирует одновременно с Японией, Китаем и Европой. То есть мы хотим жить в восточной цивилизации, но при этом с европейским комфортом — таковы мечты нашей молодежи о будущей России.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — В какой мере ответы студентов соответствуют тому, что представлено в средствах массовой информации?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Также мы исследовали образ страны, который представлен в наших СМИ, у ведущих журналистов, создающих образ России. Журналисты ориентированы на Запад, для них западная цивилизация — родная, открытая, щедрая, простодушная, прекрасная, а восточная — чужая, замкнутая, скучная, хитрая и уродливая. То есть у журналистов сформирован прямо противоположный образ России, чем у молодежи. Вот этот образ и создают в СМИ. Но следует заметить, что здесь не все так однозначно: журналисты признают, что восточная цивилизация все-таки вечная и родная, а западная — чужая. То есть на значимом для журналиста уровне западная цивилизация — хорошая, а на незначимом хорошая — восточная, то есть их сознание амбивалентно.

— Скажите, пожалуйста, проводилась ли дифференциация восточной цивилизации (или это в принципе восточная, в которую включены и Россия, и Дальний Восток)? (вопрос из зала)

Л. В. МАТВЕЕВА: — Были выделены 48 шкал, которые включали различные категории: цивилизационные, культурные (материальной и духовной культуры) и пр. Студенты и журналисты соотносили определенные категории с образами («Моя страна сегодня», «Моя страна в будущем», «Образ России в СМИ»), используя семибалльную шкалу. Потом результаты были обработаны, сформирована категориальная структура и проведен факторный анализ. В результате мы получили семь независимых факторов, объединяющих сознательные (когнитивные) и бессознательные (эмоциональные и мировоззренческие) оценки. И когда определенные шкалы попадали в какой-либо фактор, можно говорить о том, что он сформирован в сознании.

Интересно отметить, что категории «свой–чужой» и «восточная цивилизация — западная цивилизация» наполнены антропологическими культурными значениями. Россия — духовная целомудренная страна, чисто женское начало. Удивительно, что наша молодежь относится к России как к женскому началу. Мне кажется, что все будет хорошо.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Слово предоставляется профессору Александру Петровичу Садохину.

А. П. САДОХИН: — Сегодня в Государственной Думе разрабатывается очередной закон о языках коренных народов. В России с 1990-х годов развитие языков коренных народов регулируется отдельным законом, но в реальности он не работает. Более того, этнокультурные и этнополитические процессы, проходящие сегодня в республиках (я имею в виду прежде всего республики с финно-угорским населением), вызывают настороженность. В Удмуртии, Чувашии, Мордовии в свое время были приняты законы о национальных языках, которые обязывают население соответствующих республик изучать язык коренного народа. Это вызвало протесты населения по той причине, что во всех финно-угорских республиках коренное население не является доминирующим, по численности оно, как правило, занимает второе место. Перепись 2010 года показала, что в отношении этих законов и реакции на них населения ситуация выглядит следующим образом. В республиках примерно 40 % (это средняя численность коренного населения) считают себя этнически идентичными коренному населению, но тем не менее используют в общении только русский язык. Другая категория — люди, которые говорят и на русском, и местных языках (примерно около 40 %). Активно поддерживают доминирование местного языка в республиках около 20 %.

Общественные движения, которые ратуют за обязательное изучение в школах и вузах языка коренного населения, увязывают этот процесс с политическими аспектами, в частности с тем, что только представители коренного населения и носители языка могут занимать руководящие посты в органах власти и т. д. То есть коренному населению за счет языкового фактора отдается приоритет по сравнению с остальным населением. Как в этом случае быть с конституционным положением о том, что все люди равны перед законом? На основании закона о национальных языках население республик делится на категории с неравным социальным положением людей: одни становятся доминирующими, вторые занимают подчиненное положение.

Первые попытки введения закона показали, что он исполняется безобразно. Был принят закон, который не обеспечен соответствующими мерами, связанными с внедрением языка в учебный процесс. Не было создано ни учебно-методического обеспечения, ни хороших программ. С самого начала процесс шел ни шатко ни валко. Более того, многие родители в национальных республиках не поддерживают изучение языков коренных народов в школах и всеми средствами сопротивляются этим процессам.

Каким видится решение проблемы? Если ее вернуть в правовые и культурно-исторические рамки, то понятно, что необходимо сохранять и поддерживать языки коренных народов. Это культурное явление и результат объективных процессов. Но поддерживать можно как объективными, естественными средствами, так и принудительным образом.

Принудительный характер изучения языков коренных народов вызывает негативную реакцию. Оно должно быть факультативным, чтобы люди изучали язык по своему желанию, что, собственно, соответствует нормам российской Конституции. Сегодня в ко-

митеты Государственной Думы, насколько мне известно, поступает много предложений по этому вопросу. Почему он настолько важен? Осмелюсь напомнить, что на Украине все проблемы начались с языковой. И если мы не решим этот вопрос цивилизованно, то зложим основу для будущих этнических конфликтов, и рано или поздно эта мина взорвется.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Александр Петрович, как Вы относитесь к идее изменить статью Конституции, касающуюся русского языка? Сейчас по Основному закону у нас и русский язык, и, например, татарский являются государственными. Мы с академиком Челышевым предлагаем изменить эту формулировку: пусть все языки останутся государственными, а русский будет общегосударственным на всей территории России.

А. П. САДОХИН: — Мне нравится эта идея. Если будете обращаться официально, я готов поставить свою подпись.

М. Н. ФОМИНА: — Александр Петрович, как Вы думаете, та проблема, которую Вы сейчас озвучили, — региональная или общегосударственная?

А. П. САДОХИН: — Поскольку проблема возникла в целом ряде республик, она приобретает уже федеральный характер.

М. Н. ФОМИНА: — В Бурятии дети с первого класса изучают русский язык и бурятский, в Эвенкии — русский и эвенкийский, тут проблем нет. Но вот как этот вопрос решен в Китае. Там принята программа развития малых этносов, в которой предусмотрено, что у человека, знающего язык своего этноса, например, язык народности мяо, в паспорте можно написать, что он представитель этого этноса. В этом случае человек получает определенные льготы, например при поступлении в высшее учебное заведение. Вообще китаец мыслит общенациональными категориями, но в некоторых ситуациях не прочь достать паспорт, где указана его этническая принадлежность. Это, на мой взгляд, один из вариантов соотношения этнического и национального.

А. П. САДОХИН: — Китайский опыт, о котором вы рассказываете, коррелирует с тем, что было в Советском Союзе. Представители этнических меньшинств имели некоторые преимущества при получении образования. Один из примеров этой политики — факультет северных народов в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Какие-то цивилизованные формы поддержки действительно нужны, но почему-то они практически забыты.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Приглашаю к микрофону профессора Татьяну Борисовну Сидневу.

Т. Б. СИДНЕВА: — Известный кинорежиссер Андрей Тарковский говорил, что человеку для образования, в сущности, надо не так много — всего 9 книг. Однако чтобы составить этот список для себя, надо прочитать гораздо больше. Гуманитарий, анализирующий совре-

менную культуру, непременно должен включить в этот перечень труды Моисея Самойловича Кагана. Михаил Леонович Гаспаров использует понятие «перечтение», означающее возвращение к ранее прочитанным художественным произведениям. А для ученого очень важно перечтение научных текстов. Для понимания проблемы взаимодействия культур и состояния современной культурологии, безусловно, необходимо перечтение наследия Кагана, так как оно открывает понимание взаимозависимости и взаимовлияния внутренних сфер культуры, взаимодействия отдельных культур с позиции толкования границ — их открытости и закрытости, прозрачности и замкнутости. Неслучайно предметом особого внимания Моисея Самойловича, как сказал Николай Андреевич, является искусство. И не только потому, что сегодняшняя культура выглядит иначе с позиции искусства, нежели с позиции права, политики, экономики. Это не автономная сфера нашей жизни, которая доставляет нам радость и закрывает глаза на многие проблемы. Нет, Моисей Самойлович отмечал две важнейшие функции искусства в культуре. Первая — самосознание культуры. Он говорил, что это зеркало, в которое культура смотрится и совершенствуется в зависимости от того, что она в нем видит. Для современного состояния культуры понимание искусства как самосознания чрезвычайно актуально. И вторая функция искусства по отношению к культуре — то, что оно, как считал Каган, служит кодом отдельных культур.

Моисей Самойлович подчеркивает: никакая иная сфера культуры, кроме искусства, не может обеспечить доступ в самую сердцевину культуры народа. Понимание отдельных культур, отдаленных друг от друга исторически, эстетически, этнически, всегда проходит через ворота искусства, причем искусства в его целостности — единстве классического и современного. Классическое и современное искусство выполняет разные функции. Классика — это память, символ, дающий фундаментальные критерии искусства, апробированные в опыте. Для чего, в принципе, сегодня нужны Моцарт, Бетховен, Чайковский, Толстой, Достоевский? Для того, чтобы возвратиться к искусству и понять его фундаментальные критерии. Искусство, как сложнейшая саморазвивающаяся система, всегда помнит о своем происхождении.

Современное искусство выполняет иную роль: открывает нам неведомые стороны опыта, которые ранее не были открыты. Это эксперимент, поиск, который можно адекватно понимать только в широком контексте. В этом отношении бунтари и традиционалисты, хранители и авангардисты оказываются в едином потоке существования искусства, написания его истории. Говоря о задачах, которые стоят перед современной культурологией, Каган, естественно, обращался к постмодернизму. Он был одним из первых отечественных ученых, кто пытался адекватно оценить постмодернизм, и при этом призывал в хаосе, в непонятности состояния культуры, во всеобщем разрушении искать кристаллизующие нити, поддерживающие и устремляющие нас в будущее. Будущее в искусстве — в его целостности. Только так мы будем знать корни — свои и своего мира.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Александр Сергеевич Пушкин в свое время сказал, что «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Татьяна Борисовна, в какой мере это проявляется в современной поэзии, в сегодняшних линиях искусства?

Т. Б. СИДНЕВА: — Мы знаем и другое замечание: «Поэт в России — больше, чем поэт». А в пассаже Пушкина слышится ирония. Сегодня, риску предположить, от художников больше, чем от политиков, экономистов и ученых разных специальностей, ждут ответа на вызовы времени, ответа на вопросы, что с нами происходит, так что поэт, композитор, писатель сегодня еще и философ. Достаточно почитать интервью Владимира Ивановича Мартынова, где он говорит о философии в широком понимании, пытается оценить все происходящее в мире. Глуповатость — это, извините, лукавство гения.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — А Дж. Уортон, например? Глуповат, ироничен, антикультурен?

— *Просто он коммерсант.* (реплика из зала)

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Допустим, что коммерсант. Но его произведения — глупы, ироничны, контр-культурны?

Т. Б. СИДНЕВА: — Напомню еще один текст, который сегодня также нуждается в перечтении. Это работа Сергея Булгакова «Труд высоты», где он пишет о Пикассо и анализирует его картины: почему на них такие искаженные лица и предметы. Он проходит с нами всю грязь, всю неприглядную действительность, чтобы очиститься, освободиться. И в этом отношении искусство хорошо именно в контексте всей художественной реальности.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Доцент Елена Владимировна Харитоновна, прошу Вас.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — Перефразируя строчку, которую напомним нам Татьяна Борисовна, скажу: в современных условиях — жестких, полных вызовов и рисков — культуролог в России должен быть в какой-то степени больше, чем культуролог. Впрочем, это относится к любому ученому-гуманитарию. Надо научиться выходить за пределы комфортного пребывания в башне из слоновой кости, профессионального аристократизма, граничащего со снобизмом.

В декабре прошлого года я принимала участие в Генеральной ассамблее Всемирной федерации научных работников. Это федерация была создана в 1946 году учеными, в основном физиками-ядерщиками, в ответ на бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Они восприняли эти события как личную катастрофу, потому что увидели, как их открытия могут быть использованы не на благо человечества, а во зло. Я хотела бы, чтобы наш форум не только на уровне декларации, но и по своей сути отличался от конференции, где зачитываются доклады, тем, что мы можем продуцировать и ге-

нерировать идеи, которые смогут повлиять на происходящее. Идеи, которые нужны в современных жестких условиях, когда мы вынуждены отказаться от лирики и перейти в реальность. Я ставлю вопрос именно так.

Да, физики, химики, биологи осознали свою ответственность, их федерация работает до сих пор по настоящее время и периодически собирается, чтобы обсудить проблемы, в решении которых они могут принять участие, в том числе оказывая влияние на правительство. А что гуманитарии? Ставим ли мы перед собой такого рода вопросы? Вероятно, нет. Мое глубокое убеждение — обязаны.

Как правило, именно гуманитарии создают определенные информационные матрицы. В настоящее время, услышав термин «гибридная война», мы понимаем, что применение оружия, спецоперации, введение войск и тому подобное — это лишь один из уровней, на которых происходит воздействие на противника. Но существуют и другие, например финансово-экономические — в виде санкций, контроля над эмиссионными центрами, регулирования цен на нефть, валютных курсов и т. д. Это также мировоззренческий уровень, на котором идет колоссальная по своим масштабам и разрушительной силе борьба. Это искажение событий прошлого и стирание исторической памяти, происходившее везде и всегда. Яркий пример — убийство Гипатии в Александрии. Геббельс в свое время сжигал книги, а сейчас в разных регионах мира целенаправленно уничтожаются исторические памятники.

Одна из самых известных информационных матриц выражена фразой, которую Катон Старший произносил в каждом выступлении: «Карфаген должен быть разрушен». В чем специфика этой матрицы? Во-первых, она формирует массовое сознание. Во-вторых, создает ощущение фатальности и безальтернативности того сценария, который в ней содержится. И в-третьих, побуждает к действиям релевантных этому информационно содержанию политиков, которые начинают «подтаскивать» ресурсы. Информационная матрица, ставшая мировоззрением, становится действенной силой, в том числе в политике.

Другой пример информационной матрицы — «столкновение цивилизаций». Мы считаем Хантингтона ученым — политологом, социологом, возможно, культурологом, но на самом деле он сотрудник Госдепартамента. И мы должны помнить, что его разработки были взяты на вооружение во время Балканского кризиса и бомбардировки Югославии. Если же посмотреть более внимательно, мы увидим там столкновение именно по цивилизационным разломам. Католическая, православная и исламская цивилизации столкнулись практически так, как описывал Хантингтон. В других точках мира наблюдается аналогичная картина. Понятно, что причиной всех этих событий становятся не идеи, а своего рода информационные матрицы, которые оправдывают себя, особенно если они создаются намеренно. Таким образом, наша задача — формировать позитивные и продуктивные матрицы и, может быть, расшифровывать и развенчивать другие — те, которые ведут к разрушению. Не случайно Виталий Товиевич Третьяков на пленарном засе-

дании сказал, что мы много рассуждаем о благе, добре и красоте, но по каким-то причинам это благо все не наступает. Видимо, потому, что где-то в другом месте не менее умные люди работают более продуктивно. Нам надо приложить большие усилия, чтобы стать тем центром влияния, который ведет мир к добру.

Л. М. МОСОЛОВА: — Слово предоставляется Якову Георгиевичу Шемякину.

Я. Г. ШЕМЯКИН: — Начну с понятия, которое употребляется столь часто, что когда его слышишь, оно проскальзывает мимо сознания. Это глобализация. Слово «глобализация» образовано от прилагательного «глобальный». Меня заинтересовало соотношение понятий «глобальное» и «универсальное», которые в последние десятилетия часто воспринимаются как синонимы, причем не только в массовом сознании и политической лексике, но и в научном дискурсе. По-моему, подобное восприятие до некоторой степени искажает действительность. Семантические поля этих терминов действительно пересекаются, но не совпадают полностью. Глобальное и универсальное — понятия одинакового объема, поскольку и то, и другое охватывает человечество в целом, но несколько разного содержания, так как в них фиксируются качественно различные характеристики этого целого, а именно устойчивость и изменчивость. «Глобальное» — это реальная система связей, которая охватывает весь мир и постепенно формируется в ходе истории. В «универсальном» же фиксируются общие черты, характерные для всех людей независимо от их принадлежности к той или иной эпохе или культуре. То есть глобальна реальность, сформировавшаяся по мере того, как складывалась единая система связей, охватывающая мир людей. Универсальна же реальность изначальная, по крайней мере с эпохи антропогенеза, инвариант человеческой истории. Конкретное проявление универсального — в истории, прежде всего в базовой потребности человека, обусловленной его психофизиологической природой.

Наряду с первичными потребностями, детерминированными биологической организацией человека и общими с животным миром, есть и собственно человеческая потребность упорядочения как своего опыта, так и окружающей действительности. Как показали результаты фундаментальных психологических исследований, это стремление является определяющей бессознательной мотивацией поведения человека. Упорядочить же собственный опыт как окружающую его реальность человек может лишь в том случае, если будет выработан тот или иной подход к решению коренных проблем противоречий человеческого существования между мирской и сакральной сферами бытия, между человеком и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры и т. д. Но только на основе такого решения может быть создана система экзистенциальной ориентации — то есть ориентации не только во внешнем мире, но и в мире собственной души. Без подобной системы ориентации, как без пищи и воды, люди жить не могут. Только создав ее, человек обретает смысл своего существования.

Поэтому в данном случае речь идет о том, что потребность обретения смысла — это фундаментальная потребность человека.

Как известно, с точки зрения семиотики любая культура может быть представлена как текст. Так вот, весь многообразный массив текстов всех культур, по моему убеждению, тяготеет к трем главным парадигмам, трем основным текстам — базовым интерпретациям универсального измерения человеческой природы, каждую из которых отличает свой способ употребления фундаментальной психофизиологической потребности человека в обретении смысла и, соответственно, решения ключевых, коренных проблем, противоречий человеческого существования. Эти три парадигмы — наследие архаики, традиции первого осевого времени по Карлу Ясперсу и традиции второго осевого времени. В концепцию это развернул Шмуэль Эйзенштадт и его последователи. Концепция второго осевого времени — это эпоха модернизации, которая началась с научной революции XVII века и продолжилась промышленной и научно-технической.

Хотя эти парадигмы появились на арене мировой истории в определенной последовательности, речь не может идти о смене одной стадии другой. В основе всех существующих в мире цивилизаций и культур лежит диалог-спор этих трех базовых интерпретаций универсального измерения человеческой природы. Самые большие вопросы вызывает тезис об архаике как универсальном измерении. Но я просто сошлюсь на то, что это результат не моих размышлений и домыслов. В данном случае я опираюсь на разработки Владимира Николаевича Топорова, на его концепцию универсальных знаковых комплексов, на работы московской школы отечественных лингвистов и петербургских ученых. В течение целого ряда лет на базе питерской Кунсткамеры работал семинар «Теория и методология архаики», который вели В. Р. Арсеньев и его последователи. К сожалению, из-за временного регламента я не смогу привести целый ряд высказываний представителей этой школы, иллюстрирующих эту теорию.

Л. М. МОСОЛОВА: — Спасибо большое, Яков Георгиевич, что Вы затронули проблему диалога. Ольга Дмитриевна Шемякина, Вам слово.

О. Д. ШЕМЯКИНА: — Я хотела бы солидаризироваться с мнением коллеги Глаголева, который затронул тему гетерогенности в культуре. Эта тема выводит нас на изучение проблемы механизмов исторической памяти. Каждый цивилизационный тип вырабатывает свои механизмы сохранения наследия прошлого и обращения с ним. Известный специалист по Ренессансу Бабкин писал, что западная культура породила и культурно ассимилировала такой термин, как «забвение». Что такое забвение? Забвение — это то, что было вытеснено из памяти. Этот механизм был запущен в западной культуре эпохой Ренессанса, когда появился человек-бунтарь, традиция недоверия к прошлому, когда возникло протестное мышление, которое может опровергнуть весь предшествующий культурный опыт. На этом человеке, протестующем и опровергающем, для кото-

рого сам процесс изменения и протесты становятся самоцелью, и было построено будущее развитие европейской культуры.

Бабкин писал, что этого термина и самого механизма в русской культуре нет. Как только кого-то начинают забывать, сразу появляются люди, которые начинают «спасать» то, что хочет быть забытым. Почему в творчестве Пастернака так активно присутствует средневековая древнерусская книжная традиция, а в творчестве русских авангардистов — архаика, почему в современном русском политическом дискурсе явно прослеживаются традиции гомилетики — средневековой проповеди, которая деликатна, может быть полна гнева, но при этом не направлена на последовательное опротестование позиций противника. Некоторые вопросы в публичном пространстве даже для тех, кто практикует публичную риторику, неудобны и неуместны. Почему русская традиция барокко гораздо более целомудренна, чем западноевропейская, хотя мы очень много позаимствовали?

Чтобы как-то обобщить этот опыт, на мой взгляд, стоит обратиться к креативному палимпсесту — смыслу-образу, который ввел филолог Тюпа. Палимпсест — это лист пергамента, с которого стерт текст и написан следующий в рамках одного тела культуры. Но следы от прежнего текста невозможно полностью удалить с пергамента. Креативный палимпсест дает объяснение сохранению в русской традиции отношения к прошлому: в одном теле культуры присутствует как прошлое, так и настоящее. Именно эти процессы и запустили механизмы особой гносеологической процедуры. Я имею в виду гносеологию, связанную с кардиогносией — познанием сердца. Побудительная основа познания сердца — удивление, сомнение и страдание, удерживающее прежние смыслы и не опротестовывающие прежнее наследие. Кардиогносия зародилась не в отечественном культурном пространстве, но была воспринята Киевской Русью и удивительно расцвела в период культурного подъема России в XIX веке. Я имею в виду педагогическую школу.

— *Культурологи фиксируют проявления архаики в русской культуре. Насколько они реальны? (вопрос из зала)*

О. Д. ШЕМЯКИНА: — В русской культуре постоянное обращение к архаике, к мифам, к особому ощущению человека в пространстве связано с тем, что не исчезли как специфика русского пространства, так и те скрепы, которые держали этот мир в эпоху, когда господствовала традиционность. Поддерживавшие человека в кризисную эпоху зримые и доступные институты, в которых присутствовало человеческое доверие, выручают, когда наступает эпоха рисков. Поскольку не исчезли механизмы, спасающие человека в период кризиса, архаика является не миражом, а реальностью нашего сознания. Потому что такова русская бытийственность.

Л. М. МОСОЛОВА: — Пожалуйста, доцент Иван Владимирович Леонов.

И. В. ЛЕОНОВ: — Мы работаем над одной и той же темой совместно с Вайдой Линасовной Соловьевой — доцентом Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Нас заинтересовала тема трансформации европоцентристских моделей в контексте глобализации. Мы зафиксировали много различных закономерностей и деталей. Остановлюсь только на одной из них. Если в целом исходить из того, как глобализация изменяет наше представление об универсальной истории, то можно наблюдать общие тренды, которые фиксируются во многих исторических концепциях. На фоне глобализации мир становится многополярным, исторически многообразным, и это приводит к тому, что идея европоцентризма постепенно начинает сдавать позиции, большая история отказывается от единого центра и начинает утрачивать идейные основания.

Какие исторические пути возможны при этом? В первых, основной тренд: на фоне глобализации при утрате единого центра возникает многополярный мир. Он утрачивает идейные основания (как коммунизм в марксистско-ленинской теории), множество разных центров начинают конкурировать друг с другом, и акцент делается не на идею истории, а на ее схему. Акцент на схемах и алгоритмах превращает историю в некую «игру престолов». Направление движения непонятно, но красота исторического процесса выражается в том, что цивилизации конкурируют друг с другом, вступают в интриги. Арнольд Тойнби писал, что исторический процесс — это поток, где есть торосы, ледяные глыбы, водовороты и т. д. И никто не знает, где он остановится, но многообразие событий наполняет историю и делает ее привлекательной.

В то же время при сохранении акцентов на некой идейной направленности истории в ней трудно увидеть многополярность. Если мы видим только идею, то схематизм отходит на второй план. Нас интересует один центр и цель историко-культурного процесса. Мы и сейчас видим, что европоцентризм сохраняется. Есть истории, которые строятся вокруг России и Китая. В этом плане достаточно показательна устойчивость взглядов Моисея Самойловича Кагана. Он во многом ориентировался на Европу как центр развития и пронес эту установку через всю свою жизнь, через все три парадигмы: классическую, неклассическую, постнеклассическую, обогатив свою теорию, по сути информационную, деятельностными основаниями, системным подходом, синергетикой. Каган сохранил идейную направленность историко-культурного процесса, видя его цель в движении по личностно-креативному пути. Между этими двумя крайностями можно найти средний путь, когда авторы говорят, что центров много, но существующее положение дел сохранится еще надолго. К таким авторам можно отнести и Шпенглера, и Данилевского, которые исходили из принципиально многообразия историко-культурного процесса. Правда, это не помешало Данилевскому провести обширное исследование славянского историко-культурного типа. Из современных исследователей следует отметить Валлерстайна и Броделя, они тоже пишут о макроцивилизационных центрах, которые так или иначе могут сме-

щаться. Это одна из закономерностей, которую мы зафиксировали.

— *В чем причина альтернативной хронологии Фоменко, с Вашей точки зрения? Каковы его авторские мотивы?* (вопрос из зала)

И. В. ЛЕОНОВ: — Не знаю, стоит ли вообще говорить о Фоменко. В его теории действительно есть элементы, которые совершенно не укладываются в сознание историков. Но, может быть, исторической науке нужны баламуты, которые ставят под сомнение устойчивые классификации. Исходя из естественно-научных принципов, я мог бы раскритиковать эту теорию в пух и прах. Однако в исторической науке много альтернативных концепций, которые так или иначе заставляют нас не застревать только на одной шкале — формационной, цивилизационной и тому подобных, а смотреть на историю с разных сторон.

Л. М. МОСОЛОВА: — Уважаемые друзья, напоминаю, что наша секция посвящается памяти Моисея Самойловича Кагана. На церемонии прощания с ним мы с коллегами договорились, что будем ежегодно проводить Кагановские чтения в вузах, где он работал: в СПбГУ, в РГПУ им. А. И. Герцена и здесь, в СПбГУП. Я рада, что на заседание нашей секции собралось так много участников. Татьяна Борисовна совершенно верно сказала, что необходимо перечитывать его тексты, а Николай Андреевич напомнил, что Моисей Самойлович создал системную концепцию мировой художественной культуры, правда, я не согласна с утверждением, что он ее не апробировал. Ведь были созданы две объемные книги, рассмотрена художественная культура и Древнего мира, и Средневековья, и Нового и Новейшего времени. До сих пор эти труды имеют очень большое научное значение. Это была не просто теоретическая концепция — она была реализована в образовательных практиках. Мировую художественную культуру в вузах, причем не только в гуманитарных, но и в технических, преподают именно по концепции Кагана, и выпускники этих вузов прекрасно осведомлены об общих проблемах культуры и цивилизации, о взаимодействии искусств между собой, о том, как искусство отражало культуру в целом, потому что только искусство целостно отражает культуру.

К сожалению, последняя работа, в которой системно представлена культура Советского Союза и социалистических стран, соавторами которой были многие мои коллеги, так и не была издана, поскольку наступил 1991 год с известными событиями. Сегодня она была бы очень полезна в преподавательской работе. О художественной культуре того времени вообще нет достойных книг. Это большое упущение. Поэтому я предлагаю восстановить эту работу (а она была подготовлена к изданию) и опубликовать ее, тем более что по прошествии времени все процессы оцениваются более взвешенно и объективно, а не в черно-белой гамме. Было бы прекрасно, если бы к 100-летию Кагана вышла книга по истории XX века «Социалистические страны и Советская Россия».

Когда мы приступали к написанию третьего тома, то занимались проблемами типологии культур. И Моисей Самойлович рассказывал о самых разных типах культур: о культуре господства и подчинения, которая обычно ведет к «дьявольской работе», как образно выразился профессор Триодин, о культуре преклонения и подражания, о культуре игнорирования и вражды. Была разработана типология культур. В Петербурге этой проблематикой также занимался профессор Артановский, и я очень сожалею, что до сих пор не написана книга о типологии взаимодействия культур. Между тем это актуальная тема, так как сегодня в России взаимодействует много культур. Исходная позиция культур в Советском Союзе была невероятно хаотичная: разнородные, разнотипные культуры, поликонфессиональные, полиэтнические и т. д. Во всем этом надо было разбираться. Сегодня проблема взаимодействия культур в нашей стране теоретически еще не определена, идут споры, но мало кто пытается системно осмыслить эту проблему — одну из самых важных. Я понимаю, почему Александр Сергеевич выбрал тему «Взаимодействие культур и современная культурология». Действительно, пора рассмотреть эти проблемы системно и целостно.

И последнее. У Моисея Самойловича Кагана проведено принципиальное различие между коммуникацией и диалогом. Коммуникация безлична, она подходит для таких типов взаимодействия культур, как господство и подчинение, подражание, слепое преклонение. И даже современные европейцы по-прежнему относятся к другим культурам как к предмету, а не субъекту. Общение отличается от коммуникации тем, что взаимодействуют совсем другие системы. Общение рождается, когда есть эмпатия, равноправие, желание понять друг друга. И когда мы писали последний том по советской культуре, то стремились рассмотреть ее через общение разных культур. Да, коммуникации нужны, но важны субъект-субъектные отношения, в которых участвуют разные типы культур, этносы, конфессии, и все это нужно совместить в труднейшей борьбе, в противоречиях, в конфликтах. Или в России это удалось и мы возвращаемся к жизнеспособному опыту прошлых лет? Конечно, не все надо принимать безоговорочно, но перечитывать и переиздавать необходимо, в этом я согласна с Татьяной Борисовной.

Недавно была переведена на русский язык книга Дорис Бахманн-Медик о культурных поворотах. Эти повороты — лингвистические, цифровые и тому подобные, но совершенно не учитывается художественно-культурологический поворот. По-моему, в нашей стране это было сделано настолько замечательно, что сегодня об этом повороте надо писать и внедрять его в практику.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, часто приходится слышать, что сейчас не время говорить о культуре, потому что вокруг происходит бог знает что, мир стоит на грани всеобщей катастрофы. Как говорится, хочешь мира — готовься к войне. В этом есть некоторая логика. Действительно, человечество переживает критический период, у нас накопилось огромное

количество острейших экономических и политических проблем. При чем тут культура? Может показаться, что культура — для тех, кому больше нечем заняться.

Допустим, Третьяков прав: поскольку побеждает сильнейший, надо стремиться быть сильным. Хорошо, допустим, сильнейший победит. А дальше что? Как жить-то? Будем бесконечно воевать, пока все друг друга не уничтожат? И еще один вопрос: зачем жить?

Так вот, культура за это отвечает. Важны не только средства, но и цели, причем не узкие, локальные, а глобальные. Как писал Достоевский, когда кругом есть хлеба, но человек не знает, зачем жить, то жизнь для него теряет всякий смысл. Культура же задает этот смысл. Человек стал человеком только благодаря культуре, без культуры его бы не было.

Американский писатель и философ Артур Кестлер написал статью «Человек как ошибка эволюции». Он рассуждал о том, что с точки зрения эволюции человек — невозможное существо, он должен был погибнуть, потому что не умеет делать то, что умеют делать остальные живые существа. Но он выжил. Почему? Потому что создал искусственный мир, который дает смыслы, способы понимания мира и выстраивания собственной жизни. С самого начала — мифологии, религии, быта, искусства — все это культура. Сейчас идет речь о будущем мира и судьбе России, мы хотим, чтобы это была прекрасная страна, в которой мы живем и которую любим. А что такое Россия вообще? Территория? Да. Язык? Тоже да. Но главное — русская культура. Если исчезнет культура, даже при том что сохранятся язык и территория, это будет уже другая страна.

Речь идет еще и о судьбе всего мира. Что будет с миром и с человеком? Вот об этом надо думать, а не просто о каких-то предметах, интересных для небольшой группы людей. Сейчас вызов человечеству — это прежде всего вызов его культурным смыслам. Те культурные смыслы, которые определяли жизнь до сих пор, сегодня должны меняться. Как? Приходится меняться, чтобы не потерять то, что мы имели. Что надо делать, чтобы человек не превратился в нелюдя? А ведь сейчас часто приходится слышать, что человек — это нечто устаревшее, в будущем нужен постчеловек. Надо менять человеческое тело, мозг, психику. Я лично знаю людей, которые этим занимаются. Подобные движения существуют во всем мире, есть они и у нас, в них участвуют биологи, физиологи, психологи. Например, движение «2045» исходит из того, что к этому году человек превратится в постчеловека и будет существовать на цифровом носителе. Но где граница человека? Сейчас самое интересное заключается в том, что важные философские вопросы, которые в течение тысячелетий волновали образованных людей, вдруг перешли в практическую плоскость.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Например, бессмертие.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Да. Назову некоторые из тех, что обсуждаются на практическом уровне. Одна из древних, как мир, философских проблем — где иллюзия, а где реальность. Философы обсуждали, а остальным было неинтересно, они и так знали, где

иллюзии. А сейчас все размывается, мы живем в мире иллюзий и не поймем, где же реальность. Сколько можно экспериментировать над человеком, чтобы он не перестал быть человеком? Свобода — великое благо, но где ее границы? Можно экспериментировать с телесностью, с мозгом. Кант, как известно, был философом свободы, но даже он считал, что над человеком экспериментировать нельзя, здесь свобода недопустима. Таковы извечные вопросы: «Что такое человек? Что такое сознание?» Есть масса книг, авторы которых, известные ученые, пишут, что сознание — это иллюзия. Есть физический объект — мозг, в котором идут процессы, постижимые с точки зрения вычислительных процедур.

Таким образом, то, что определяла культура и к чему мы привыкли, сегодня поставлено под вопрос. Это самый роковой вопрос, более сложный, чем все остальные. Другие вопросы тоже важны, мы сегодня их обсуждали, в том числе говорили о культурном взаимодействии. Действительно, это важный вопрос. Культурное взаимодействие бывает разного рода. Линий диалога, культурных конфронтаций, взаимодействий сейчас сколько угодно, навязывание культурных смыслов — тоже проблема нашего времени. Это вопрос теоретический и практический, упирающийся в культуру, и в этом смысле для меня вопросы культуры не периферийные, а насущные вопросы смысла нашего бытия.

Еще раз подчеркну: мы с вами, дорогие друзья, занимаемся очень важным делом — проблемами, которые интересуют не только любителей; от них зависит, что станет со всеми нами. Как сказал один человек, наша цивилизация — цивилизация средств, а не целей. А нам нужны цели, и не сиюминутные, а долговременные, связанные с системой ценностей.

Ю. Л. ВОРОТНИКОВ: — Короткое замечание а ргорос. Моя дочь биолог, она занимается ЭКО — экстракорпоральным оплодотворением. Недавно она защитила кандидатскую диссертацию и теперь собирается писать докторскую, но на этот раз по философии. Потому что для биологов это важный вопрос — где заканчивается человек. И вообще, как относиться к пересадке эмбриона? На каком этапе его можно пересаживать? В какой момент он перестает быть зародышем и превращается в человека? Философские проблемы перешли в практический план. Вы наверняка сталкивались с идеей воплотить наконец мечту человека о бессмертии. Но почему молчит Вселенная? Одно из предположений заключается в том, что все разумные существа перешли на наноуровень, поэтому мы их не видим и не слышим.

А теперь два небольших высказывания. Первое — чиновничье, а второе — с точки зрения ученого. Но не культуролога, поскольку я филолог и работаю в Отделении историко-филологических наук. Как чиновник, я слушал вас с негодованием. Объясню почему. В конце 1990-х годов, когда разрабатывалась новая номенклатура специальностей научных работников, в нее по инициативе Кирилла Эмильевича Разлогова была включена культурология. Через десять лет, в конце пер-

вого десятилетия XXI века, по поводу культурологии все еще ломали копыя. Я работал в обеих комиссиях: в первой — научным секретарем, во второй — председателем. Нужна ли культурология вообще? В номенклатуре Российского фонда фундаментальных исследований культурологии нет до сих пор. Я предлагал ее ввести, но не встретил поддержки.

Повторяю, сегодня я слушал вас с некоторым негодованием. Возможно, это верное решение — не включать культурологию в номенклатуру наук. Во всяком случае, по второй части названия нашей секции — о современной культурологии — к сожалению, ни разумного, ни доброго, ни вечного никто ничего не сказал. Какой новый инструментарий у вас появился, новые методологические принципы, которые вам позволяют оперировать новыми явлениями культуры? Об этом не говорили.

Второе замечание также касается культурологии, но уже с точки зрения филолога. Вы все знаете Кирилла Эмильевича Разлогова. В свое время он часто проводил конференции на темы «Культурология и филология», «Культурология и философия» и т. п. Я с огромным интересом участвовал в этих конференциях. С удовольствием глумился над несчастными культурологами со своей сильной «филологической» позиции. Я даже придумал анекдот и рассказал его на одном из наших мероприятий. Расскажу его и вам. Пришла дева Культурология к бабушке Философии и сказала: «Бабушка, дай методологию». Пришла дева Культурология к маме Филологии и сказала: «Мама, дай методы». Пришла дева Культурология к тете Истории и сказала: «Тетя, дай материал». Пришла дева Культурология к власти и сказала: «Власть, возьми меня». Что дева Культурология получила от власти, мы не знаем, но девой быть она перестала.

Тут, как в любой шутке, только доля шутки. Сейчас культурология — это новое поле, на котором мы должны собирать камни, которые разбрасывали весь XX век. Это новая интегральная дисциплина, на которой лежит огромная ответственность — не только за понимание, что такое примитивная культура, цивилизация и т. д. На этой науке лежит ответственность за интеграцию новой комплексной гуманитарной дисциплины.

Мой учитель академик Юрий Степанов, известный в первую очередь благодаря своему знаменитому Словарю русской культуры, в течение своей жизни несколько раз менял научную ориентацию. Он был то языковедом, то теоретиком языка, то философом языка, а в конце жизни называл себя культурологом. Потому что культурология — это высший уровень профессиональной квалификации гуманитария. Но сегодня мы с вами об этом, к сожалению, не поговорили. Я хотел услышать выступления на эту тему, но теперь я уверен, что не стану председателем новой комиссии по Номенклатуре специальностей научных работников, которая вскоре будет разрабатываться. Тем не менее имейте в виду, что при разработке номенклатуры к культурологии возникает больше всего вопросов, чем к любой другой науке социогуманитарного цикла. Повторяю, на вас лежит огромная ответственность.